

I.

ГЕНЕРАЛЪ И АДМИРАЛЪ ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ. ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

V.

Новая война съ турками и съ татарами.—Женитьба Лефорта и вступленіе его въ царскую военную службу.—Обстоятельства службы его въ Кіевѣ, подъ начальствомъ Гордона.—Возвращеніе въ Москву и поѣздка на родину.—Пребываніе его въ Женевѣ.

Радость и ликованіе въ Москвѣ по случаю успѣховъ, одержанныхъ въ борьбѣ съ турками, были непродолжительны. Вскорѣ пришли вѣсти, что султанъ, раздраженный неудачами своего войска, заключилъ въ тюрьму великаго визиря Ибрагима-пашу, низложилъ крымскаго хана, Селима-Гирея, и намѣревался въ будущемъ году лично идти противъ русскихъ съ великими силами, которыхъ приказалъ собираться въ Бендерахъ. Татары также поднялись, готовясь продолжать свои опустошительные набѣги.

Еще болѣе, нежели этими вѣстями, тревожилось царское правительство положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ. Возвѣщенное въ прошломъ году «великое польское посольство» не только не прибыло, но и не выѣзжало въ дорогу. Носился слухъ о козняхъ французскаго и шведскаго пословъ, Бетюна и Лилленгёка, изъ которыхъ первый усердно продолжалъ свои интриги въ Турціи и теперь старался воз-

будить находившагося въ Данцигѣ короля Собѣскаго, какъ «добраго турка», противъ курфюрста бранденбургскаго и противъ Россіи. Рассказывали при этомъ, что Франція готова была поддержать его деньгами.

Царю Теодору угрожала, слѣдовательно, трудная война въ будущемъ году (1678), и потому приступлено было къ обширнымъ вооруженіямъ. Предполагалось поставить на ноги всѣ военныя силы страны; иноземные офицеры получили приказаніе готовиться къ походу, и на этотъ разъ всѣ они, безъ исключенія, найдены были годными для царской службы, какъ отставные, такъ и ненаходившіеся еще при войскахъ. Что думали эти офицеры о зимнемъ путешествіи своемъ къ отдаленной границѣ, гдѣ имъ предстояло заняться первыми оборонительными работами въ Чигиринѣ, видно изъ слѣдующаго донесенія голландскаго резидента: «Приготовленія къ войнѣ производятся поспѣшно, чтобы предотвратить угрожающее вторженіе турокъ и татаръ; но замѣчательно, что всѣ иноземные офицеры, какъ получившіе приказаніе обучать и дисциплинировать грубыхъ и необразованныхъ людей, такъ и обязанные вести ихъ въ бой и дѣлать главное дѣло, очень недовольны. Они громко негодуютъ на неполученіе жалованья. Деньги не выдаются не только на самое необходимое, но и на расходы, вызываемыя продолжительнымъ и труднымъ походомъ къ Днѣпру, въ такую пору года (въ половинѣ зимы). Трудно сказать, одушевятся-ли они, при подобномъ настроеніи духа, въ ту минуту, когда станутъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ».

Въ январѣ, Гордонъ, назначенный въ должность чигиринскаго коменданта, уже выступилъ въ походъ со своимъ драгунскимъ полкомъ; главнокомандовавшій арміей въ прошломъ году, князь Юрій Ромодановскій, собиралъ свои войска; но о молодомъ капитанѣ Лефортѣ нигдѣ не упоминается. Что въ первую половину 1678 года онъ жилъ въ Нѣмецкой Слободѣ, это несомнѣнно, а какія мысли и планы занимали его можно видѣть изъ сопоставленія нѣкоторыхъ фактовъ.

Какъ ни шатко было до сихъ перъ его положеніе въ Россіи, однако онъ не унывалъ; и именно теперь сталъ сознавать необходимость упрочить свою судьбу, положить конецъ неопредѣленности своей жизни. Для осѣдлости, для дальнѣйшихъ успѣховъ, ему непремѣнно нужно было, согласно обычаямъ страны, жениться, чтобы не преслать челоуѣкомъ вѣтрянымъ, недовольнымъ, не желающимъ оставаться въ Россіи. Два года прожилъ Лефортъ въ Слободѣ,

мораль была сватаемъ, но постоянно отклонялъ заключенія тѣхъ, которые хотѣли съ нимъ породниться. Такое упорное пренебреженіе вѣстими обычаями вызывало насмѣшки, неудовольствія, и казалось тѣмъ необъяснимое, что Францъ былъ молодой человекъ красивый, образованный, весьма извѣстный, любимый и уважаемый. Дѣло объясняется однако весьма просто: рѣшиться на женитьбу было ему весьма трудно: и мать, и своего старшаго брата онъ завѣрилъ, что, прежде чѣмъ сдѣлаетъ этотъ шагъ, посоветуется ихъ совѣтамъ и приказаніямъ. Наконецъ, 23-го іюля 1678 года, Лефортъ, послѣ продолжительнаго молчанія, послалъ два письма въ Женеву, одно матери, другое старшему брату Амн. Первой онъ писалъ:

«Почтеннѣйшая матушка, со времени послѣдняго письма вашего, отъ 23-го января 1677 года, я не имѣю отъ васъ никакихъ извѣстій и даже не знаю, дошли-ли до васъ письма, писанныя мною къ вамъ, къ братьямъ и къ дядѣ Ленту. Огорченіе, что я не получалъ отвѣта, вновь побуждаетъ меня вѣзться за перо, и со слезами на глазахъ просить васъ, любезная матушка, не гнѣваться на меня за то, что я женился здѣсь, вопреки приказаній вашихъ, членовъ нашей фамиліи и родственниковъ. Я вступилъ въ бракъ съ дочерью шекспировниина, за нѣсколько дней до смерти произведеннаго милостию императора (царя) въ полковника, въ награду за оказанныя имъ заслуги. Онъ храбро воевалъ противъ татаръ, но, къ несчастію, получалъ опасную огнестрѣльную рану, отъ которой и скончался. Имя его Францъ Сугъ (Souhau); имѣя же нынѣшней жены моей — Елизаветы Сугъ. Мать ея еще здравствуетъ, но стара и имѣетъ хорошее состояніе, болѣе нежели сколько имѣютъ вообще здѣшніе офицеры.

«Будьте увѣрены, многоуважаемая матушка, что не деньги, не каки-либо богатства побудили меня вступить въ бракъ; я женился потому, что полюбилъ Елизавету, поведеніе которой было мнѣ извѣстно и по собственнымъ наблюденіямъ, и по отзывамъ другихъ. Я неоднократно просилъ мать ея согласиться на нашъ бракъ, но она хотѣла дать позволеніе не прежде, какъ изъявитъ на то согласіе члены нашей фамиліи, ибо ей было извѣстно, что вы, почтеннѣйшая матушка, равно и братъ, запретили мнѣ жениться. Писать вамъ о томъ я не смѣлъ. Здѣсь была дочь полковника, англичанка Брафера (Брафойрда), которую сватали за меня, но я никогда не питалъ къ ней такихъ нѣжныхъ чувствъ, какъ къ этой. Я рѣшился, впрочемъ, вовсе не думать о томъ. Однако чистая и постоянная любовь ея (Елизаветы) ко мнѣ заставила меня положить оружіе.

Теперь мы оба опасаемся, что не находимся на вашихъ глазахъ, и потому умоленно просимъ считать насъ въ числѣ вашихъ дѣтей и быть увѣренными, что если Богъ дозволитъ намъ свидѣться, то мы выскажемъ вамъ, уважаемая матушка, всё протерпѣнные нами опасенія. Я желалъ бы только, чтобы вы могли видѣть, какъ мы теперь живемъ и какииъ почетомъ пользуемся. Дядя моей жены уже давно генералъ-майоръ; онъ очень старъ и болѣе не служить, но получаетъ ежегодной пенсiи сличномъ тысячу талеровъ.

«Многоуважаемая матушка, повѣрьте мнѣ искренне, что предпринятый мною шагъ послужитъ только къ тому, чтобы лучше жить и имѣть большее значеніе. Могу васъ увѣрить, что теперь я вступаю на весьма почетное поприще, и что отъ меня зависитъ быть произведеннымъ въ майоры или въ подполковники, если я пожелаю. Майорскій чинъ я получу непременно: три дня тому назадъ, князь (боаре) сказывали мнѣ, что я долженъ только подать лично императору (царю) просьбу, какъ здѣсь водятся, и что я могу быть увѣреннымъ въ ихъ содѣйствiя. Такъ я и поступилъ, и завтра надѣюсь получить добрый отвѣтъ, ибо за меня ходатайствуютъ многіи особы.

«Теперь, почтеннѣйшая матушка, нужно только одно слово вашей руки, которою вы насъ благословите, чтобы превратить нашу печаль въ радость. Ни о чемъ большемъ въ семь мiръ мы не просимъ. Если у меня есть какое имущество послѣ покойнаго отца моего, то я уже не думаю о томъ, но предоставляю все въ ваше распоряженіе. Уповаю, что Богъ будетъ милостивъ ко мнѣ, дастъ мнѣ необходимыя средства на остальные дни жизни. Молю его только и непрестанно буду молить, вечеромъ и утромъ, о томъ, чтобы онъ являлъ свою благодать на мою возлюбленную жену и на меня, равно и на дѣтей, которыхъ онъ даруетъ намъ.

«Жена моя не успокоится до тѣхъ поръ, пока не получитъ хотя одного слова вашей руки. Присемъ вы получите нѣсколько строкъ отъ нея (*). Въ заключеніе прошу Бога, да руководитъ онъ васъ

(*) Вотъ это письмо: „Madame et très honorée mère! Après vous avoir très humblement laissé les mains, celle-ci sera pour vous assurer de mes respects et obéissances, et pour vous dire, qu'il a plus à Dieu de me marier avec Mr. votre fils, lequel est maintenant mon mari. Je vous prie de me tenir au rang de vos enfans et de nous pas reculer de votre face, puisque ç'a été la volonté de Dieu. Nous ne manquerons point de nous soumettre sous vos bonnes grâces et prions Dieu, qu'il vous préserve de tout accident et malheur, et qu'il nous fasse la grâce un jour vous pouvoir embrasser et vous dire, que nous sommes et serons, madame et très honorée mère, votre très humble et obéissante servante et belle-fille Elisabeth Lefort. Slobode, le 23 juillet 1678.“ („Милостивая государыня, почтеннѣй-

своимъ святымъ духомъ, да оградитъ васъ отъ всякой бѣды и напасти, да внушитъ вамъ истинныя чувства къ намъ, вашимъ дѣтямъ. Останусь, почтеннѣйшая матушка, вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга и сынъ Франсоа Лефортъ».

«Слобода, 23-го іюля 1678 г.»

Второе письмо къ брату Ами, отъ того же числа, начинается такъ: «Послѣ усерднѣйшаго привѣтствія, прошу васъ настоящими строками быть милостивымъ и почитать меня и впредь вашимъ братомъ, хотя я и не исполнилъ всѣхъ приказаній (tous les ordres), выраженныхъ въ вашемъ письмѣ. Мнѣ это очень прискорбно, но такъ было угодно Богу; и потому я надѣюсь, любезный братъ, что вы, по приверженности ко мнѣ, прѣстите меня, ибо сдѣланный шагъ непреложенъ: иначе я забылъ бы страхъ Божій» (*).

Ссылаясь въ остальномъ на письмо матери, Францъ убѣдительно просилъ брата о присылкѣ письма, которое онъ «сохранитъ какъ святыню». Такъ какъ послѣдніе, занятые у Голя, сто талеровъ еще не были выплачены, вслѣдствіе чего явились непріятности, то онъ убѣждаетъ заплатить эту сумму, прибавляя, что покаместъ ограниченъ только своимъ первымъ жалованьемъ, и потому находится въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. «Больше я ничего не требую изъ дома, ибо впредь буду имѣть средства жить прилично».

Со вступленіемъ въ бракъ, начался новый періодъ въ жизни Лефорта. Первымъ и важнѣйшимъ послѣдствіемъ этого шага было то, что теперь не могло быть рѣчи о выѣздѣ изъ Россіи: предстояло устроиться

шная матушка! Почтительно цѣлуя ваши ручки, спѣшу увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и въ моей покорности и извѣстить васъ, что Богу угодно было сочетать меня бракомъ съ г. вашимъ сыномъ, нынѣ моимъ мужемъ. Прошу васъ считать меня въ числѣ вашихъ дѣтей и не отвергать насъ, ибо такова была воля Господня. Мы желаемъ заслужить ваши милости и молимъ Бога, что бы онъ сохранилъ васъ отъ всякихъ невгодъ и дозволилъ намъ обнять васъ и сказать вамъ, что я емь и буду, милостивая государыня и почтеннѣйшая матушка, ваша преданнѣйшая и покорнѣйшая слуга и невестка Елизавета Лефорта. Слобода, 23-го іюля 1678 г.»

(*)*Jl a plu à Dieu de m'y appeller; c'est pourquoi, cher frère, j'espère que vous me serez si favorable que vous me le voudrez pardonner, puis que le remède est incurable, sinon de délaisser la crainte de Dieu*». Смыслъ этихъ словъ несомнѣнъ. Не хотѣлъ ли Лефортъ сказать, что, по своему положенію, онъ нашелся вынужденнымъ перемѣнить вѣру? По донесеніямъ еванг. Келлера, часто случалось, что отставные иноземные офицеры, обыкновенно люди женатые и семейные, не имѣя средствъ ни къ жизни, ни къ выѣзду за границу, рѣшались, въ такомъ безотраднѣйшемъ положеніи, «креститься», что бы затѣмъ, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, не быть изгнанными. Не на это ли намекаетъ Лефортъ?... Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время переходъ изъ евангелической церкви въ православіе былъ соединенъ со вторичнымъ крещеніемъ.

такъ, чтобы имѣть средства жить съ семьей. Пренны восторженныя помыслы о чести и славѣ, даже о богатствѣ, надлежало оставить или умѣрять тѣмъ болѣе, чѣмъ неблагопріятнѣе было поле, по которому предстояло стремиться за ними съ одушевленіемъ. Шагнуть изъ солдатъ въ маршалы, какъ случилось тогда, напримѣръ, съ Вобаномъ, объ этомъ нельзя было и мечтать въ Россіи. Даже такой свѣдущій и опытный военачальникъ, какъ Патрикъ Гордонъ, постоянно былъ въ подчиненномъ и приниженомъ положеніи, то есть въ зависимости отъ какаго-либо боярина, который не имѣлъ понятія о веденіи войны, и потому не понималъ его совѣтовъ, тормозилъ всё его предпріятія. Надобно прочесть Гордоново описаніе похода 1678 года и обороны: Нижирина и знать веденныя, десять лѣтъ спустя, двѣ кампаніи противъ Крыма, чтобы убѣдиться, какъ мало отраднаго было въ Россіи иноземному офицеру, какими бы достоинствами онъ ни отличался. Марши по всѣмъ направленіямъ, борьба съ дикими ордами, сопряженная съ опасностію попасться въ плѣнъ, быть проданнымъ въ неволю въ невѣдомыя страны, и жизнь въ Москвѣ сокрушали одинаково и духъ, и тѣло. Экономическое же положеніе каждаго воина, какаго бы то ни было чина, было еще тягостнѣе. Онъ имѣлъ самыя скудныя средства жить честнымъ человекомъ, прилично, а дать образованіе своимъ дѣтямъ могъ только въ Нѣмецкой Слободѣ. Гордонъ, владѣвшій въ Шотландіи помѣстьями, имѣлъ возможность нанимать гувернера для своихъ сыновей, но на что было рассчитывать другимъ? Постоянныя жалобы его на недостатокъ денегъ даютъ понятіе о томъ, какъ перебивались прочіе иноземные офицеры. Тоже говорить и фанъ Келлеръ въ своихъ донесеніяхъ.

Со времени выѣзда своего изъ Голландіи, Лефортъ ни разу не проявилъ своихъ прежнихъ восторженныхъ идей и стремленій; ступивъ на русскую почву, онъ тотчасъ же избралъ себѣ девизомъ: «il faut être sage par force». («Надобно по-неволѣ быть благоразумнымъ»). Два съ половиною года прожилъ онъ въ Нѣмецкой Слободѣ, при самыхъ разнообразныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, пока, наконецъ, не далъ своей судьбѣ опредѣленнаго направленія. Планы о занятіяхъ торговлею рѣшительно уступили теперь мѣсто мыслямъ о военной службѣ; онъ сталъ думать объ одномъ: какъ бы выбраться въ высшіе чины и тѣмъ улучшить свои финансовыя дѣла. Не говоря уже о томъ, что, по его словамъ, «князья» (т. е. бояре) общали ему содѣйствовать, самая семья, въ которую онъ вступилъ, могла безспорно помочь ему въ достиженіи цѣли. Она состояла изъ людей, которые отчасти уже давно находились въ царской военной

службѣ и отличились неодновременно, почему и пользовались довѣрiемъ и уваженiемъ царя Алексѣя Михайловича, отчасти принадлежали къ молодому поколѣнiю, шедшему по слѣдамъ своихъ отцовъ. Ничъ нетрудно было вывести на желанный путь своего даровитого юнаго родственника.

Лефортова теща, Франсоа Буге, какъ сказано, уже не было въ живыхъ. Онъ былъ уроженецъ города Меца (въ Лотарингiи), исповѣдовалъ католическую вѣру, и повѣстно когда прiѣхалъ въ Россiю и поступилъ въ царскую службу; кончина же его послѣдовала, вѣроятно, прежде 1665 года, потому что въ этомъ году Гордонъ уже называетъ его жену вдовою. Она была изъ фамилiи фонъ-Бокговенъ.

Маюръ Исаакъ фонъ-Бокговенъ выселился изъ Англiи въ 1648 году, по причинѣ гоненiй на католиковъ, и, прiѣхавъ въ Россiю, былъ принятъ царемъ въ службу. Онъ имѣлъ двухъ сыновей и одну дочь. Первые назывались Филиппъ-Альбрехтъ и Корнелий; послѣдняя, выданная за Франсоа Буге, имѣла отъ него дочь, теперешнюю Елизавету Лефорть, которая, надобно полагать, была еще очень молода, когда умеръ ея отецъ. Вдова скрывала свое состоянiе такъ тщательно, что зять не зналъ до чего оно простиралось; даже послѣ смерти ея (въ началѣ девятыхъ годовъ), когда состоянiе перешло къ дочери, Лефорту не было известно, сколько имѣла его жена и какъ она распорядилась деньгами. Вдова Буге была строгая и ревностная католичка, и дочь свою она, конечно, воспитала въ такихъ же правилахъ и въ такомъ же духѣ; но замѣчательно, что, при вступленiи ея въ бракъ съ Лефортомъ, было постановлено крестить и воспитывать дѣтей по кальвинистскому исповѣданiю. Вѣроятно и обрядъ бракосочетанiя былъ совершенъ въ реформатской церкви.

Оба дяди Елизаветы Лефорть пользовались значенiемъ и уваженiемъ, какъ храбрые и честные воины. Старшiй, Филиппъ-Альбрехтъ, былъ, въ 1660 году, взятъ въ плѣнъ литовскимъ гетманомъ Савигомъ, освобожденъ послѣ подписанiя андрусовскаго мира (*), и, возвратившись въ Москву, удостоился почетнаго царскаго прiема. Пома онъ находился въ плѣну, дочь его вышла замужъ за полковника Патрика Гордона, и такимъ образомъ Лефорть вступилъ въ близкое родство съ этимъ именитымъ шотландцемъ.

(*). Чтобы освободить Бокговена изъ плѣна, самъ англiйскiй король, Карлъ II, писалъ королю польскому. Въ письмѣ было сказано: „полковникъ фонъ-Бокговенъ служилъ многie годы блаженной памяти нашему родителю и намъ, и еслибы не случилось последнее восстанiе нашихъ подданныхъ, продолжалъ бы служить намъ и понынѣ“. См. „Дневникъ“ Гордона ч. I, стр. 393, 405.

Младшій Бюгговенъ также участвовалъ въ войнѣ противъ Польши и также былъ взятъ въ плѣнъ (въ сраженіи подъ Песоцкомъ, 1661), но скоро освобожденъ и впоследствии употреблялся царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для исполненія важныхъ порученій. Въ началѣ 1678 года онъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Гордономъ, выступилъ къ Чигирину, но не пережилъ этого тяжелаго похода. Подъ 18-е августа, Гордонъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «въ эту ночь русскіе потеряли полковника Бюгговена, честнаго человека и храбраго солдата».

Многіе мелодные люди между англичанами и шотландцами, заслужившіе известность своими военными подвигами, находились въ близкомъ или въ отдаленномъ родствѣ, или же въ дружественныхъ отношеніяхъ, съ этою почтенною фамиліей. Полковникъ Менезесъ былъ однимъ изъ ближайшихъ ея родственниковъ.

Национальный характеръ этихъ кружковъ, господствовавшая въ нихъ общность религіозныхъ принциповъ, открытое признаніе которыхъ было такъ стѣснено, внѣшняя обстановка людей известнаго своимъ заслугами, обуславливали, съ одной стороны, прочную сплоченность, съ другой удаленіе отъ окружавшей ихъ среды. Если двадцатидвухлѣтній Францъ Лефортъ не только нашелъ радушный приемъ между подобными людьми, но и вступилъ въ кровное родство съ одною изъ древнѣйшихъ и именитѣйшихъ фамилій, то это обстоятельство проливаетъ яркій свѣтъ на его моральныя качества. Своенравная судьба забросила молодого женева въ далекую русскую землю; три года прожилъ онъ здѣсь въ тяжеломъ испытаніи, но, безъ сомнѣнія, сохранялъ въ цѣлости все то, чѣмъ надѣлила природа его внутреннее бытіе. Юношескія фантазіи волновали его грудь, но онъ обладалъ силою воли и благоразуміемъ на столько, что бы выступить на спокойный и почтенный путь земной жизни. Поприще его нашло опорную точку, исходя отъ которой онъ имѣлъ право сказать, что отъ него самого зависѣло идти далѣе и лучше устроить свою судьбу. Францъ радовался этому и, подъ вліяніемъ такихъ чувствъ или, точнѣе, твердаго убѣжденія, писалъ матери: «Я желалъ бы только, чтобы вы могли видѣть, какъ живутъ и какимъ добрымъ именемъ пользуются ваши дѣти».

Рѣшительный въ судьбѣ Лефорта годъ былъ многознаменательнымъ годомъ и для Россіи: онъ начался военною тревогою, вслѣдствіе полученныхъ въ Москвѣ извѣстій, что турки и татары угрожаютъ южнымъ предѣламъ государства. Султанъ рѣшился вторгнуться со всѣми своими силами, съ тремя, какъ говорили, арміями, каждая

въ дѣлѣхъ тысячъ людей. Въ Москвѣ, однако, надѣялись управиться съ грознымъ врагомъ, лишь бы поляки не перешли на сторону турокъ и не объявили войны, о чемъ все еще продолжали хлопотать въ Варшавѣ посланники французскій и шведскій, спасавшіеся за Швецію. Въ счастіи, побѣда, одержанная въ прошломъ году русскими войсками, произвела впечатлѣніе на турколюбиваго короля Собѣслава, и онъ былъ не прочь, въ виду предстоявшаго истеченія тринадцатилѣтняго перемирія, вступить въ переговоры и даже заключить прочный миръ. Съ этою цѣлію и была отправлено давно возвѣщенное «великое» польское посольство. Въ маѣ (1678) оно шло блистательнымъ вѣздомъ въ Москву. Именитѣйшіе тогдашніе магистры, Чарторыйскій и Сапѣга, стояли въ главѣ посольства; въ свитѣ ихъ считалось болѣе тысячи людей; привезенные ими подарки были столько же многочисленны, сколько великолѣпны и богаты. Переговоры пошелъ такъ быстро, что уже въ іюніѣ обѣ стороны согласились возобновить андрусовское перемиріе на тринадцать лѣтъ и соблюдать исправную дружбу. Правда, заключеніе мира и наступательнаго и оборонительнаго союза не состоялось, однако рѣшено было возбудить, на ближайшемъ польскомъ сеймѣ, вопросъ о взаимной помощи противъ турокъ и татаръ.

На Днѣпрѣ, между тѣмъ, русскія и турецкія войска занимали противоположныя мѣста. Главнымъ пунктомъ, непременно, была чигиринская крѣпость, по которой названъ былъ, и самый походъ. Большая рать престарѣлаго князя Ромодановскаго расположилась по близости Чигирина, хорошо укрѣпленнаго. Начальникъ Пушмарскаго Приказа (генералъ-фельдцейхмейстеръ), князь Василій Васильевичъ Годуницкій, долженъ былъ оберегать Кіевъ и всю Малую Россію. Турки, предводимые великимъ вѣзиремъ Кара-Муштафомъ, и крымскіе татары, подъ начальствомъ своего новаго хана, Мурадъ-Гирея, сосредоточили въ этихъ мѣстностяхъ полумиліонное количество, какъ по слуху въ Москвѣ, и тотчасъ же приступили къ осадѣ Чигирина, гарнизонъ котораго не превышалъ 20,000 человекъ.

Желая участвовать въ этой войнѣ, Лефорть подалъ, въ іюлѣ, просьбу въ Иноземскій Приказъ о принятіи его въ царскую службу, по примѣру полковника фанъ Фростена и другихъ иностранныхъ офицеровъ, съ которыми онъ прибылъ въ Россію за два съ половиною года. 24-го того же мѣсяца Иноземскій Приказъ сдѣлалъ Посольскому Приказу запросъ: въ которомъ году, мѣсяцѣ и котораго числа, изъ какой земли и съ какою чиномъ пріѣхалъ иноземецъ Францъ Лефорть; записанъ-ли онъ въ Посольскомъ Приказѣ, дано-ли

ему было царское жадованье (подарок), или же приказано отослать его за границу? Отвѣтъ состоялъ въ томъ, что прусскій капитанъ Лефортъ прѣхалъ съ полковникомъ фонъ Фростенкомъ и съ тринадцатью (?) другими офицерами; что нѣкоторые изъ его товарищей поступили, въ качествѣ нинженеровъ, въ Пушкарскій Приказъ, другіе вернулись на родину, а еще, капитанъ Францъ Лефортъ, не просилъ объ отпускѣ его изъ Москвы. Призванный затѣмъ въ Иноземскій Приказъ, Лефортъ былъ спрашиваемъ: гдѣ проживалъ и чѣмъ занимался въ послѣдніе два съ половиною года? Въ подлинномъ собственноручно протоколѣ онъ показалъ: когда его товарищи были отпущены на родину, а другіе переведены въ Иноземскій Приказъ, онъ заболѣлъ, и потому не подавалъ великому государю челобитной ни о принятіи въ службу, ни о выѣздѣ за море, но въ настоящемъ году выздоровѣлъ и подалъ челобитную его царскому величеству о принятіи въ службу и о переводѣ изъ Носольскаго въ Иноземскій Приказъ. Въ Наместной Слободѣ, подъ Москвою, сочетался бракомъ съ племянницею генераль-маіора Филиппа фонъ Бокгофена и не желаетъ возвращаться за море, въ отечество.

По полученіи въ Иноземскій Приказъ (10-го августа) этого повелѣнія, послѣдовало царское повелѣніе: «принять въ службу иноземца Франца Лефорта, съ чиномъ капитана». 5-го ноября состоялось повелѣніе: «выдать новопривышему иностранцу, капитану Францу Лефарту, государево жалованье, десять аршинъ одноцвѣтной узорчатой шапки».

Видѣвъ за первымъ извѣстіемъ о побѣдѣ надъ врагомъ (*), получено было прискорбное донесеніе о взятіи и разореніи чигиринской крѣпости и о послѣднемъ отступленіи многочисленной русской рати... Храбрый комендантъ крѣпости оборонялся мужественно, но не былъ поддержанъ главными силами: Ромодановскій сдѣлалъ такіа странная, такіа превратная распоряженія, что уже 11-го августа турки овладѣли Чигириномъ послѣ кровопролитнаго штурма. Гордонъ, представляя подробное донесеніе объ этой борьбѣ, отыывается о несчастномъ результатѣ кампаніи въ слѣдующихъ словахъ: «Такъ былъ обороняемъ и потерянъ Чигиринъ, *оставленъ, но не мкоремъ*, городъ, недавно получившій громкую извѣстность: здѣсь началось,

(*) Фанъ Келлеръ писалъ своему правительству отъ 6-го августа: „Авангардъ царской арміи, состоявшій изъ конницы, вѣлъ дѣло съ турками и съ татарами, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ дрались мужественно и ожесточенно. Нѣсколько тысячъ человекъ остались на мѣстѣ, въ томъ числѣ два русскихъ генерала: Павелъ Юхтевичъ и еанъ Борнава, два храбрые и отличные воина. Русскіе отбили у турокъ большое бѣлое знамя“.

поддерживалось и имѣло главное мѣстопробываніе возстаніе казаковъ противъ поляковъ (*).

Тотчасъ по взятіи Читиріна, великій визирь Мустафа-паша обратился противъ русской рати. Ромодановскому грозила величайшая опасность: ему не оставалось ничего болѣе, какъ на другой же день начать поспѣшное отступленіе; но исполнить это было нелегко, ибо турки и татары не только тревожили его неустанно, но и атаковали превосходными силами. Разбитыя русскія войска бѣжали въ Сумашъ. Здѣсь Ромодановскій получилъ приказъ распустить рать. Во всей странѣ господствовали уныніе и страхъ; при дворѣ не знали что предпринять, въ виду недовѣрія къ сосѣдямъ, и потому созвана была боярская дума обсудить затруднительное положеніе, въ которомъ такъ неожиданно очутилось государство. Сначала намѣревались собрать поскорѣе новыя военныя силы и послать ихъ противъ врага, но, по причинѣ наступившей осени, рѣшили распустить главную рать и занять лишь нѣкоторые пограничныя пункты.

Турки и татары могли теперь хозяйничать въ заднѣпровскомъ краѣ. Великій визирь назначилъ, по повелѣнію султана, ренегата Хитъльницкаго гетманомъ и занялъ всю мѣстность, то есть города и области, уступленные Польшею туркамъ по миру, заключенному въ Царевнѣ. Турки уже приближались къ Кіеву и угрожали этому городу; но къ зимѣ отступили за Бугъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, Лефорту нельзя было и думать объ отъѣздѣ въ армію; онъ рѣшился ждать въ Москвѣ дальнѣйшихъ распоряженій. И дѣйствительно, вскорѣ начались самыя дѣятельныя сборы къ новой кампаніи; предположили выставить еще болѣе многочисленную рать, чѣмъ въ прошломъ году, и для того приказано было взять десятого человѣка со всего населенія государства. Рѣшено было также сформировать особую милицію, которой хотѣли дать лучшее вооруженіе: всѣ иностранные офицеры повѣщены были готовиться къ походу и къ обученію новаго ополченія. Объ укрѣпленіи Кіева заботились тѣмъ усерднѣе, что, по слухамъ, турки и татары хотѣли овладѣть имъ во что бы то ни стало, и, чтобы привлечь на свою сторону казаковъ, обѣщали имъ полную свободу вѣроисповѣданія, безпрепятственное владѣніе имуществомъ, городами и землями. Съ потерей Кіева, въ Москвѣ ожидали потери и всей Украины, и болѣе

(*) См. „Дневникъ“ Гордона, I, 464—558. Это описаніе осады Читиріна чрезвычайно важный документъ для военной исторіи Россіи. Нигдѣ нельзя найти такой вѣрной и обстоятельной оцѣнки того, съ какими ничтожными знаніями, съ какою неопытностію и безтактностію стояла и дѣйствовала въ полѣ русская рать.

100,000 казаковъ, составлявшихъ отличную коннину. «Еслибы это случилось», писалъ Келлеръ, «то положеніе было бы отличнымъ; тогда и Польша не осталась бы сновоюною».

Въ октябрѣ прибыли въ Москву главный воевода разбитой рати, князь Ромодановскій, со своимъ сыномъ, который исправлялъ при немъ должность помощника. Здѣсь поднялась противъ него жестокая буря. Не только царь и бояре, но и народъ обвиняли его въ несчастномъ исходѣ войны, и если Ромодановскій, со своимъ сыномъ, отбѣдился оцаломъ, безъ лишенія имущества, боярскаго званія и даже жизни, то обязанъ былъ тѣмъ вліанію негущественныхъ друзей и родныхъ, равно и израсходованію большихъ суммъ. Когда же было приступлено къ рѣшенію вопроса, кого назначить главнымъ воеводою на предстоящую кампанію, престарѣлый князь Юрій Долгорукій, самъ одинъ изъ кандидатовъ въ главнокомандующіе, лучше всѣхъ понимавшій критическое положеніе государства, преслѣлъ, по свидѣтельству фанъ Келлера, возвратити изъ ссылки боярина Артемона Сергѣевича Матѣева. Келлеръ прибавляетъ, что, несмотря на сильное противодѣйствіе царской думы, Федоръ согласился съ мнѣніемъ Долгорукаго и готовъ былъ послать въ Вержетурь чрезвычайнаго гонца.

Не одни громадные вооруженія и боевая тревога по всей странѣ занимали тогда московскій дворъ: едва-ли не больше смущались въ столицѣ тѣмъ, что рѣшать и предпринять король и республика польскіе. Еще лѣтомъ положено было отправить въ Гродну, гдѣ собирався сеймъ, царское посольство съ тѣмъ, чтобы не только добиться утвержденія статей мирнаго трактата, но и расширить смыслъ его относительно поданія помощи противъ турокъ и татаръ. Такое именно порученіе возложено было на чрезвычайныхъ посланниковъ Бутурлина и Чадаева, выѣхавшихъ изъ Москвы въ декабрѣ. Они повели съ собою 100,000 червонцевъ, слѣдовавшихъ, въ видѣ окончательной уплаты, за уступленные Польшей города Кіевъ и Смоленскъ (*). Въ случаѣ благоприятнаго исхода переговоровъ, московское правительство надѣялось заключить тройной союзъ въ Польшею и съ Австріей.

Между тѣмъ, назначеніе князя Василія Васильевича Голицына начальникомъ особаго корпуса, долженствовавшаго оберегать Малую Россію, производство въ генералъ-майоры Гордона, за мужественную,

(*) При возобновленіи андрусоваго перемирія, условлено было, чтобы за Кіевъ и за Смоленскъ, оставшіеся во владѣніи Россіи, уплатить польской республикѣ 200,000 червонцевъ.

хотя и безплодную оборону Чигирина, и опредѣленіе его въ должность кievскаго коменданта (*), всё эти перемены должны были повліять на улучшеніе судьбы Франца Лефорта. Его назначили командиромъ роты, входившей въ составъ гарнизона Кіева и принадлежавшей къ корпусу князя Голицына. Гордонъ выѣхалъ къ новому мѣсту службы уже въ декабрѣ, хотя подчиненныя ему войска не были готовы къ выступленію, а потому и Лефортъ находился въ Москвѣ еще въ январѣ 1679 года. Отъ этого числа онъ писалъ матери: «Недѣли за двѣ предъ сѣмъ, я долженъ былъ отправиться въ Кіевъ, за 200 мь отсюда, на турецкой границѣ. Тамъ, безъ сомнѣнія, будутъ жаркія дѣла. Мой кузенъ Гордонъ, бывший въ прошломъ году комендантомъ Чигирина и полковникомъ, теперь же произведенный его величествомъ, за отличіе, въ генераль-маіоры, будетъ жить въ этомъ городѣ, и я буду служить подъ его начальствомъ въ чинѣ капитана. Если Богъ, по милости своей, позволитъ мнѣ возвратиться здоровымъ въ концѣ года, то надѣюсь на добрый успѣхъ по службѣ; ибо «seigneur» (т. е. князь Голицынъ) общалъ мнѣ это, а Гордонъ, женатый на дочери генераль-маіора Бокговена (**), на племянницѣ котораго женатъ и я, очень расположенъ ко мнѣ. Въ Кіевѣ я буду жить и имѣть столъ у него. Онъ уже уѣхалъ; мы последуемъ за нимъ чрезъ нѣсколько дней».

Лефортъ могъ, по справедливости, представлять себѣ ожидавшій его походъ и труднымъ, и опаснымъ. Въ Москвѣ были получены извѣстія, что крымскіе татары, поддерживаемые гетманомъ Хмѣльницкимъ, перешли чрезъ замерзшій Днѣпръ, сожгли и разграбили многіе открытые города, села и деревни на этомъ берегу, и что многія тысячи жителей были уведены въ неволю. Тѣмъ не менѣе Лефортъ не только не унывалъ, напротивъ, былъ очень веселъ и преисполненъ надеждъ. Пользуясь искреннимъ къ себѣ сочувствіемъ и дѣйствительною дружбою родственника своего Гордона, становившагося все болѣе и болѣе вліятельнымъ, онъ смотрѣлъ на будущее съ тѣмъ большимъ довѣріемъ, что имѣлъ счастье быть лично извѣстенъ своему начальнику, князю Василю Васильевичу Голицыну, и найти въ немъ покровителя. «Никогда нашъ «seigneur» не позволитъ мнѣ оставить царскую службу», писалъ онъ своимъ роднымъ.

Только одно грустное чувство тяготило молодого человѣка. Мало

(*) До сихъ поръ, кievскимъ комендантомъ былъ полковникъ Класъ-ванъ Саленъ, голландецъ, старавшійся, по возможности, усилить тамошніе верги.

(**) Эта жена Гордона уже умерла; во второмъ бракѣ онъ имѣлъ рожденную Роонеръ, изъ голландской фамиліи.

того, что онъ не получилъ отвѣта на свое послѣднее письмо къ матери, въ которомъ умолялъ простить его за женитьбу, но прешло уже около двухъ лѣтъ со времени полученія имъ отъ родныхъ послѣдняго письма. Повидимому, ни мать, такъ горячо имъ любимая, ни братья, ни сестры, и никто изъ родни, не заботились болѣе о немъ. Онъ не послушался ихъ приказаній, не вернулся изъ Россіи, вступилъ здѣсь въ бракъ—оттого всѣ отреклись отъ него и потеряли надежду когда-либо увидѣться съ нимъ.... Такъ объяснялъ себѣ Лефортъ молчаніе родныхъ, даже друга и брата Ами, полагая, что всѣ окончательно разгнѣвались на него. Эта мысль была для него тѣмъ прискорбнѣе и тѣмъ мучительнѣе, что онъ не зналъ за собою никакой особенно большой вины и что теперь дѣла его шли хорошо. Съ чистою совѣстію могъ онъ написать своей родительницѣ: «Вѣрьте мнѣ, почтеннѣйшая матушка, я живу здѣсь, благодареніе Богу, во всякой почести и любимъ всѣми. Молю васъ, простите меня, матушка, за всѣ мои передъ вами проступки (fautes), чтобы и Богъ простилъ меня, когда отзоветъ меня изъ сего міра. Достоиннѣйшая матушка, Божья воля была въ томъ, чтобы я женился. Жена моя почтительная дочь и обладаетъ возвышенными качествами.... Не отрекайтесь отъ меня; сохраните ко мнѣ хотя сколько-нибудь материнскихъ чувствъ; будьте увѣрены, что я готовъ доказать вамъ всякое, подобающее сыну, послушаніе; забудьте заблужденія моей юности и вѣрьте, что, если Богъ сохранилъ мою жизнь, то чрезъ мое доброе поведеніе вы узнаете, что имѣете сына, недорожившаго жизнію для своего возвышенія (pour son avancement). Единственное желаніе мое въ здѣшней жизни—еще разъ, по милости Господа, обнять васъ, равно всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ, и на колѣняхъ испросить прощенія за причиненное всѣмъ вамъ горе: тогда мнѣ были бы легки всѣ невзгоды, которыя могли бы постичь меня. Если я буду столь счастливъ, что получу отъ васъ письмо, то оно будетъ для меня такъ же дорого, какъ и полученное мною въ прошломъ (предпрошломъ) году и доставляющее мнѣ утѣшеніе всякій разъ, когда я его прочитываю. Милая матушка, прошу, не забывайте насъ и считайте насъ своими дѣтьми».

Въ началѣ этого письма Лефортъ сообщалъ матери, что ожидаетъ приумноженія своего семейства. «Если, по милости Божіей, жена моя разрѣшится благополучно, и если родится дочь, то прошу васъ быть ея восприемницею; если же родится сынъ, то онъ получитъ имя нашего покойнаго отца. Но это (крещеніе?) совершится уже въ мое отсутствіе. Голландскій резидентъ, г. Келлеръ, будетъ

единицъ надъ военнопленныхъ, ибо въ нашей реформатской церкви ихъ должно быть двое. Будущность же своей жены онъ полагалъ обезпеченною тѣмъ, что, по смерти своей матери, она, какъ единственная наследница, получила пять или шесть тысячъ талеровъ.

Лефорть отправился, наконецъ, въ своему служебному посту въ Кіевъ. Главная рать, подъ начальствомъ князя Черкаскаго, жившаго при себѣ помощникомъ князя Михаила Долгорукаго (сына престарѣлаго князя Юрія), двигалась со всѣхъ сторонъ къ Дибпру, между тѣмъ какъ двѣ отдѣльныя арміи, каждая въ 100,000 человекъ, стояли уже близъ театра военныхъ дѣйствій.

Въ Москвѣ съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта изъ Гродны. Только въ іюдѣ нарѣ получили извѣстіе, что король и республика польскіе рѣшили присоединить свои военныя силы къ русскимъ войскамъ и энергически дѣйствовать противъ общихъ враговъ христіанства. Съ такими предложеніями прибыло въ Москву особое посольство; но поляки требовали, за свои послуги, возвращенія Смоленска, съ округомъ, уплаты большой суммы на содержаніе польскихъ войскъ и точнаго опредѣленія, сколько именно русской рати присоединится къ польской. Предводительство соединенными арміями король брать на себя.... Нечего и пояснять, что подобныя притязанія были отвергнуты.

Столько же безуспѣшны были и начатыя, въ это время, тайные переговоры о заключеніи мира съ турецкимъ султаномъ, къ которому царь Теодоръ отправилъ съ гонцомъ особенное письмо въ Константинополь. Отвѣчая на царское письмо, султанъ требовалъ не болѣе и не менѣе, какъ уступки всей Украины съ Кіевомъ; въ противномъ случаѣ, грозился лично принять начальство надъ всѣми своими силами и прійти даже въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ получено было письмо господаря Валахій, предлагавшаго содѣйствовать заключенію мира; но и его требованія, столько же непомерныя, были отвергнуты.

Въ іюнѣ 1679 года, турецкое войско приблизилось къ русской границѣ, но не обратилось на Кіевъ, а направилось къ Запорожской Сѣчѣ, гдѣ построило и заняло нѣсколько укрѣпленій. Въ іюлѣ, не дождавшись встрѣчи съ русскими, турки отступили. Въ то же время, бѣлгородскій отрядъ, предводимый Милославскимъ, наголову разбилъ татаръ и заставилъ ихъ удалиться въ Крымъ. Этимъ и кончилась кампанія.

Послѣ того, какъ новыя предложенія султана и господаря валахскаго, заключить миръ на предъявленныхъ уже условіяхъ, были от-

вергнуты рѣшительно, князь В. В. Голицынъ назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующею на границахъ Украины арміею, которую московское правительство намѣревалось довести до возможно-большей числительной силы, какой еще нигде не бывало. Въ римско-императорскому двору отправился бояринъ князь Одоевскій хлопотать о союзѣ. Въ Вѣнѣ его приняли хорошо, но до исхода года онъ еще не получалъ аудіенціи.

Въ такомъ нерѣшительномъ положеніи находились дѣла въ началѣ 1680 года, когда, въ первыхъ числахъ февраля, въ Москвѣ получили извѣстіе о вторженіи крымскихъ татаръ въ Украину, а въ маѣ узнали о появленіи за Днѣпромъ и турецкихъ полчищъ. Никакихъ, однако, серьезныхъ дѣйствій не было предпринято со стороны русскихъ войскъ; напротивъ, уже въ августѣ имъ велѣно разойтись на зимнія квартиры. Причина та, что въ Константинополѣ и къ хрымскому хану опять былъ посланъ чрезвычайный посолъ (Тяпкинъ) для переговоровъ; кромѣ того, отправлена была большая миссія, подъ начальствомъ Потемкина, во Францію, въ Англію, въ Голландію и въ Испанію, съ цѣлію побудить эти державы къ тѣсному союзу противъ турокъ и просить ихъ о посредничествѣ въ дѣлахъ шведскихъ и польскихъ, ибо въ Москвѣ провѣдали, что шведы вели тайную переписку съ Собѣскимъ и подстрекали султана къ болѣе смѣлымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, ради чего Польша уже послала въ Константинополь своего агента. Дѣйствительно, въ началѣ 1681 года, Тяпкинъ донесъ, что султанъ готовъ заключить миръ, если не только будутъ выполнены прежнія условія, но царь согласится и на то, чтобы всѣ татары и послѣдователи мухамеданской религіи, живущіе въ землѣ русской, перешли въ Турцію, подъ власть Порты (*).

Дерзкое требованіе султана имѣло послѣдствіемъ немедленное воззваніе ко всѣмъ подданнымъ царя подняться на защиту отечества и выставить возможно-сильнѣйшую рать. Правительство считало это тѣмъ необходимѣе, что должно было имѣть значительные отряды на границахъ Польши и Швеціи. Дѣло уладилось, однако, иначе... Царскій уполномоченный Тяпкинъ, отправясь изъ Константинополя

(*) Голландскій резидентъ писалъ по этому случаю: „Требованіе султана произвело здѣсь большое смущеніе, ибо мусульмане заселяютъ значительную часть территоріи и городовъ его царскаго величества, какъ то: Сибирь, Казань, Астрахань; они живутъ даже въ Москвѣ, не говоря уже о пограничныхъ городахъ и областяхъ. Ихъ насильственное выселеніе не обошлось бы безъ революціи и въ концѣ разорило бы эти страны“.

къ крымскому хану и вернувшись оттуда снова въ Царьградъ, прислалъ въ Москву два донесенія (одно изъ нихъ было получено въ мартѣ, другое въ апрѣлѣ), что онъ ѣдетъ съ двумя повѣренными султана и хана.... Въ маѣ послѣдовало заключеніе мира между Россіей и Портою на двадцать лѣтъ. Султанъ самъ написалъ царю, увѣряя его въ своей дружбѣ и называя его «братомъ»....

Въ Москвѣ знали причину столь прутаго поворота въ образѣ мыслей султана: ему предстояла война съ римскимъ императоромъ, и всѣ турецкія войска должны были двинуться въ Венгрію. Такъ устроилъ Людовикъ XIV.... (*). Вслѣдъ затѣмъ немедленно измѣнились и отношенія Россіи къ Польшѣ и Швеціи: оба эти государства заявили, что рѣшились всѣ несогласія превратить въ дружбу.

Но распушеніи большой русской рати, оставленъ былъ лишь одинъ отрядъ на границахъ Ураины, преимущественно для производства крѣпостныхъ работъ въ Кіевѣ, гдѣ, по этой причинѣ, Гордонъ долженъ былъ продолжать свое пребываніе. Прочихъ же иноземныхъ офицеровъ опять ожидали невзгоды.

Еще въ минувшемъ году, князь В. В. Голицынъ получалъ приказаніе организовать военныя силы Россіи и привести ихъ въ лучшее положеніе. Онъ серьезно приступилъ къ этой задачѣ. Рѣшено было образовать особую комиссію или совѣтъ, подъ предѣлительствомъ князя, и пригласить къ засѣданіямъ какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ офицеровъ; но относительно послѣднихъ выражено мнѣніе—оставить на службѣ самое малое число, а всѣхъ остальныхъ уволить. По свидѣтельству фанъ-Беллера, они могли, впрочемъ, продолжать службу, *если бы согласились креститься*.... Князь В. В. Голицынъ сознавалъ хорошо, что главное препятствіе къ надлежащей организаціи военнаго дѣла заключалось въ мѣстничествѣ, бывшемъ причиною столькихъ бѣдствій, и потому онъ вознамѣрился, во что бы то ни стало, вырвать это зло съ корнемъ. Въ счастью, ему удалось убѣдить царя Θεодора Алексѣевича собрать для того думу,

(*) Несмотря на то, что французское правительство интриговало столько лѣтъ противъ Россіи, Людовикъ XIV написалъ теперь царю Θεодору письмо, въ которомъ просилъ не только о пропускѣ шелка, закупленнаго французами у армянь, но и о безпретятственномъ исповѣданіи вѣры католиками, желавшими поселиться въ Россіи по торговымъ дѣламъ. На первый пунктъ ходатайства отвѣчали французскому королю, что товаръ можетъ быть провезенъ, съ уплатою таможенныхъ пошлянъ; о второмъ же пунктѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ онъ шелъ въ разрѣзъ съ коренными законами государства. Беллеръ говоритъ, что въ Москвѣ боялся „іезуитовъ, паштатовъ и новаговъ“.

которая постановила съечь «Разрядныя Книги» (19-го января 1682).

Въ продолженіе всѣхъ описанныхъ событій, Лефорть жилъ на югѣ: два съ половиною года онъ пробылъ отчасти въ Кіевѣ, отчасти его употребляли въ дѣлахъ противъ турокъ и татаръ. По заключеніи мира, онъ возвратился со своею ротою (1,200 человекъ) въ Москву, и успѣшилъ извѣстить (1-го сентября 1681) о себѣ брата Ами, къ которому, какъ и ко всѣмъ роднымъ, не писалъ во все время похода. Изъ этого письма видно, что онъ жилъ не столько въ Кіевѣ, сколько въ полѣ и на кантонирь-квартирахъ, лѣтомъ и зимою, имѣлъ постоянныя столкновенія съ «татарскими ордами», неразъ находился въ большихъ опасностяхъ и едва не попался въ плѣнъ. Даже въ сильную стужу ему приводилось защищать, по цѣлымъ мѣсяцамъ, нѣкоторыя деревни отъ нападений татаръ, хотя онъ страдалъ упорною трехдневною лихорадкою. «Безпрестанно командируемый во всякаго рода экспедиціи, я не могъ сослаться и на свою болѣзнь, ибо варвары не спрашивали: есть-ли лихорадка или нѣтъ?», жаловался Лефорть, четырнадцать мѣсяцевъ немощій избавитися отъ мучительнаго недуга. Далѣе онъ рассказываетъ, что три раза въ теченіе года былъ посылаемъ съ порученіями въ Москву, и въ заключеніе говоритъ: «Если я увлекся юношескимъ легкомысліемъ, то Богу угодно было послать меня, за мое неповиновеніе, въ эту страну, гдѣ я претерпѣлъ немалыя, по истинѣ, опасности и не меньшія бѣдствія». Семейныя горести также смущали его духъ. Въ его отсутствіе, жена разрѣшилась отъ бремени дочерью, которая вскорѣ умерла. Въ 1679 году онъ увезъ жену и тещу въ Кіевъ, но рѣдко жилъ со своимъ семействомъ, по причинѣ продолжительныхъ откомандировокъ. Смерть второй дочери, въ самый день рожденія, и двое преждевременныхъ родовъ жены еще болѣе огорчили молодого капитана: онъ видѣлъ въ этихъ несчастіяхъ божеское наказаніе.

Возвратившись въ Нѣмецкую Слободу, Лефорть сталъ горячо помышлять о поѣздѣ въ Женеву, о чемъ, вѣроятно, просили его мать и братъ, судя по слѣдующимъ отвѣтнымъ словамъ его: «По истинѣ, любезный братъ, немало обрадовался я, узнавъ, что Богу угодно было внять моимъ непрестаннымъ молитвамъ и дозволить мнѣ увидѣть въ скоромъ времени васъ и всѣхъ родныхъ, особенно же почтеннѣйшую матушку и сестеръ.... Не матеріальныя выгоды побуждаютъ меня къ поѣздѣ, но единственно пламенное желаніе увидѣть еще разъ благородный родъ нашего дорогаго, благороднаго

отца....» Впрочемъ, дѣло возможное, что Лефортъ, достигнувъ двадцати-пятилѣтняго возраста, т. е. совершеннолѣтія, желалъ съѣздить въ Женеву и по своимъ денежнымъ или наслѣдственнымъ дѣламъ, чтобы, сославшись на нихъ, легче было получить отпускъ; но, вѣстѣ съ тѣмъ, надолго извѣстно изъ его прежнихъ писемъ, что онъ отказывался отъ всякихъ притязаній на свою долю отцовскаго наслѣдія (*).

Радостную надежду на скорое свиданіе Лефортъ подтвердилъ извѣстіемъ, что, чрезъ нѣкоторыхъ своихъ доброжелателей, онъ просилъ царя о полугодовомъ отпускѣ, съ сохраненіемъ жалованья, а въ припискѣ говорилъ еще утвердительно: «я сейчасъ отъ князя (В. В. Голицына), перваго сановника при его величествѣ и очень ко мнѣ расположеннаго. Князь сказалъ, что увольненія отъ службы я получить не могу; но какъ миръ съ турками заключенъ, то онъ дастъ мнѣ отпускъ, только не на долгое время, а если я, съ Божіею помощію, возвращусь, то обещаю мнѣ повышеніе по службѣ. И такъ, я рѣшился ѣхать и надѣюсь исполнить это вскорѣ, что очень важно и для моего здоровья. Но поѣздка будетъ стоить мнѣ дорого, потому что я отправляюсь сухимъ путемъ чрезъ Швецію, т. е. отсюда въ Ригу, а далѣе чрезъ Курляндію въ Гамбургъ. Съ моими малыми деньгами, которыми теперь располагаю, я могу доѣхать только до Гамбурга; прошу васъ, любезный братъ, написать туда гг. Венцарту и Пляеру (извѣстнымъ гамбургскимъ негоціантамъ), чтобы они снабдили меня средствами къ дальнѣйшему путешествію» (**).

Такъ какъ служба Лефорта считалась еще въ Кіевѣ, подъ начальствомъ тамошняго коменданта, то прежде всего потребовали запроса отъ генерала Гордона. «Un passeport de m—r général Gordon, mon

(*) Онъ писалъ, между прочимъ, матери: „Si mon défunt père me laisse quelque chose, je le laisse tout entre vos mains. Disposez en comme il vous sera bon, car, Dieu soit loué, je m'en peux présentement passer“. („Если покойный батюшка оставилъ мнѣ что-нибудь, то все отдаю вамъ. Распоряжайтесь моею долею, какъ вамъ будетъ угодно, потому что я, благодареніе Богу, могу теперь обойтись безъ нея“).

(**) Лефортъ сожалѣлъ, что ограниченность доходовъ не позволила ему обойтись безъ утружденія брата такою просьбою. „Vous savez“, писалъ онъ, „que de moi-même je n'ai pas ici de grands biens, ou que si même j'ai quelque chose, il faut que je la laisse à ma chère femme, laquelle autrement n'aurait point d'espérance de mon retour. Ma femme a d'elle-même assez, mais je ne veux rien prendre d'elle.“ („Вамъ извѣстно, что лично я не имѣю здѣсь большаго состоянія, а если у меня и есть что-нибудь, то я долженъ оставить это моей милой женѣ, которая, иначе, отдалась бы въ моему возвращенію. У жены моей есть свое порядочное состояніе, но я ничего не хочу отъ нея“).

beau-frère (*) est arrivé», писалъ Лефорть, готовясь получить необходимыя, для выѣзда, бумаги. Гордонъ свидѣтельствовалъ о немъ, какъ о «храбромъ, честномъ и благородномъ офицерѣ», и нѣтъ никакихъ уважительныхъ причинъ допустить предположеніе, чтобы начальникъ, подобный Гордону, позволялъ въ своемъ отзывѣ пустымъ фразам (**). На основаніи такого отзыва, Лефорту выдали проѣзжую грамоту (паспортъ), съ приложеніемъ большой царской печати. Въ грамотѣ было сказано, что «капитанъ Лефорть служилъ великому государю и царю вѣрно и, какъ подобаетъ храброму офицеру, съ отличіемъ сражался противъ непріятеля». Другою, врученною ему, официальной бумагою предписывалось пограничнымъ воеводамъ не только пропустить безпрепятственно капитана Лефорта за границу, но дозволить ему и обратный свободный проѣздъ въ русское государство.

Въ отвѣтъ на просьбу брата возвратиться на родину навсегда, Лефорть писалъ: «Желалъ бы я получать полную отставку (entièrement mon congé), но это оказалось невозможнымъ; мнѣ дали только отпускъ на полгода, и въ теченіе этого времени жена будетъ получать мое жалованье. И такъ, я потороплюсь пріѣхать къ вамъ, потому что долженъ буду скоро вернуться сюда (***)... А если бы я не спѣшилъ отправиться отсюда, то, навѣрное, получилъ бы чинъ майора, который, скажу прямо (sans mentir), любезный братъ, былъ мнѣ обѣщанъ, съ условіемъ остаться здѣсь; но я не хотѣлъ хлопотать до окончанія моего путешествія. Если Богъ позволитъ мнѣ увидѣться съ вами, то изъ паспорта моего вы усмотрите, что я честно служилъ его величеству, и могу васъ удостовѣрить, что всѣ князья (т. е. бояре) любятъ меня, сожалѣютъ о моемъ отъѣздѣ и

(*) Лефорть называетъ иногда генерала Гордона „beau-frère“, вмѣсто болѣе правильнаго „cousin“.

(**) „По указу высочайшаго и могущественнаго великаго государя, царя Θεодора Алексѣевича, самодержца и проч., свидѣтельствую я, Патрикъ Гордонъ, владѣтель Ачлойчирса и Уастгертоуна, генераль-майоръ артиллеріи и киевскій комендантъ Кіева, что благородный и храбрый господинъ Францъ Лефорть, капитанъ его царскаго величества, всегда, и на маршѣ, и на сторожевыхъ постахъ, равно въ различныхъ дѣлахъ и сраженіяхъ, оказывалъ себя честнымъ и добросовѣстнымъ офицеромъ“.

(***) Старшій братъ Лефорта совѣтовалъ ему выѣхать съ кѣмъ нибудь изъ иноземныхъ посланниковъ. На это Лефорть отвѣчалъ: „il m'était impossible de partir avec les ambassadeurs, vu que j'étais environ 200 lieues éloigné d'ici à Kioff et même dans le temps que nous avions les courses des Tartares presque tous les jours. Je rends grâce à Dieu de m'avoir voulu préserver si souventfois.“ („Мнѣ невозможно было ѣхать съ посланниками, потому что я находился почти въ 200 миляхъ отсюда, въ Кіевѣ, и въ такое время, когда мы имѣли съ татарами чуть не ежедневныя дѣла. Благодарю Бога, что онъ столько разъ хранилъ меня.“)

думаютъ, что я не вернусь. Но Боже сохрани меня отъ такой мысли: жена моя остается здѣсь и получаетъ мое жалованье». Онъ уже простился съ нѣкоторыми боярами, надѣвшишими его, по этому случаю, подарками, въ томъ числѣ луками и стрѣлами. «Луки и стрѣлы», извѣщая Лефорть, «я привезу съ собою въ Женеву, ибо я любитель этихъ вещей и стрѣлаю очень хорошо, такъ что въ Кіевѣ имѣлъ честь быть царемъ всѣхъ «аматоровъ»... Здѣсь это обыкновенное оружіе, и я выучился ловко владѣть имъ».

Въ Женевѣ, кажется, очень интересовались знать, хорошую-ли партію сдѣлалъ Лефорть по своей женитьбѣ. На запросъ брата, онъ извѣщалъ: «Жена моя отвѣчаетъ моимъ желаніямъ; она обладаетъ такими качествами, которыя должна имѣть истинная жена. Что же касается ея состоянія, то она единственная дочь: у нея нѣтъ ни брата, ни сестры, а мать ея, безъ сомнѣнія, богата. Матери ея 68 лѣтъ и она вѣрно любитъ меня».

По всей вѣроятности, родные осведомлялись и о его конфессіональныхъ дѣлахъ. Онъ писалъ: «Недѣлю тому назадъ, мы приобщались въ нашей реформатской церкви. Не бойтесь, чтобы мнѣ пришла въ голову мысль принять другую религію, не ту, въ которой я родился, хотя бы это стоило мнѣ жизни».

Отъѣздъ изъ Москвы замедлился потому, что, послѣ сильныхъ дождей и разлива рѣкъ, надобно было дожидаться саннаго пути. 25-го октября 1681 года Лефорть извѣщалъ, что свѣгу уже вышло на нѣсколько футовъ и можно будетъ скоро отправиться въ путь. «До Гамбурга надѣюсь добраться съ сотнею талеровъ; объ издержкахъ далѣе предоставляю позаботиться вамъ. Потому пришлите мнѣ что нужно въ Гамбургъ или въ Амстердамъ и извѣстите, какою дорогою избрать мнѣ».

На четвертый день по отсылкѣ этого письма, Лефорть писалъ старшему брату: «Посылаю вамъ послѣднее отсюда письмо, надѣясь, въ возможно-скоромъ времени, выѣхать съ Густавомъ Голлемъ и съ нѣкоторыми другими купцами. Молю Бога, да даруетъ онъ мнѣ счастье вновь увидѣть васъ въ полномъ здоровьѣ».

9-го ноября онъ отправился, наконецъ, въ далекое путешествіе. Оно сопряжено было съ большими трудностями, но не представляло ничего особенно замѣчательнаго. Въ Ригѣ Лефорть узналъ, что владѣтельный герцогъ курляндскій, Іаковъ, умеръ и что бывший его, въ Голландіи, другъ и покровитель, наслѣдный принцъ Фридрихъ-Базимаръ, вступилъ на престолъ. Видѣлся-ли онъ съ нимъ въ Митавѣ—неизвѣстно. 25-го января 1682 года Лефорть достигъ Кенигс-

берга. Въ Данцигъ онъ прибылъ больной четырёхдневною лихорадкою и не могъ продолжать пути, такъ что до Гамбурга дѣбалеся только 22-го февраля. Здѣсь онъ нашёлъ письмо отъ старшаго брата, представляющее большой интересъ: оно единственный, изъ этого періода, документъ, намекающій на неудовольствіи или несогласія въ средѣ фамилии Лефортъ и бросающій яркій свѣтъ на увлеченія юности и на поступки младшаго члена этой семьи, судьба котораго сложилась такъ необычайно (*).

Вотъ что писалъ Ами Лефортъ: «Любезнѣйшій братъ, не могу выразить вамъ радости, испытанной всѣми нами при полученіи вашего письма отъ 1-го сентября 1681 года, особенно же не по поводу того, что вы не только благополучно возвратились изъ Биева, но и намѣрены предпринять путешествіе изъ Москвы въ Женеву. Это доказываетъ, что вы, любезный братъ, услышали мои просьбы возвратиться сюда при первомъ удобномъ случаѣ, чтобы доставить всѣмъ намъ утѣшеніе и радость свиданія. При нетерпѣннн, въ которомъ мы находимся относительно времени этого наслажденія, путешествіе ваше отъ Гамбурга сюда покажется намъ столько же продолжительнымъ, какъ бы мы узнали только о выѣздѣ вашемъ изъ Московія.

«Предоставляя себѣ лично объясниться съ вами, если будетъ угодно Богу, по содержанію вашего письма, я не отвѣчаю теперь. Скажу только вамъ, что, согласно вашей просьбы получить въ Гамбургъ нѣкоторую сумму денегъ, матушка распорядилась, чтобы вамъ выданы были сто татеровъ чрезъ посредство гг. Ванцара и Пюяра.

(*) Выраженныя въ этомъ письмѣ чувства и мысли замѣчательны потому, что показываютъ отношенія Франца Лефорта къ роднымъ и отчасти поясняютъ его жизнь въ Москвѣ. Отъѣздъ его въ Московію столько же испугалъ, сколько раздразжилъ всю родню, и первыя письма его изъ Намедной Слободы не произвели на нее никакого успокоительнаго дѣйствія: имъ просто не вѣрили, и братъ Ами писалъ, что узнаетъ другимъ путемъ, чѣмъ онъ занимается и какъ живетъ. Глубоко оскорбленный молодой человекъ отвѣчалъ: „Любезный братъ, касательно того, въ чемъ вы меня опровергаете, снова пишу вамъ, что все именно такъ и есть, какъ я говорилъ, ни болѣе, ни менѣе, хотя бы вы гадали на картахъ. Я не имѣю ничего писать вамъ вновь, опасаясь прослыть предъ вами лжецомъ; да и сами вы говорите, что, посредствомъ секретной переписки, узнаете правду. Удивляюсь, почему же вы не освѣдожились у нихъ (т. е. у тайныхъ корреспондентовъ), правду ли я писалъ вамъ, равно и у датскаго резидента: вы узнали бы отъ нихъ больше, нежели сколько я писалъ вамъ. Я полагаю, что, во избѣжаніе труда собирать здѣсь справки, надлежало предоставить на вашу волю освѣδοжиться о прохождающемъ“. Если же всѣ справки, собранныя старшимъ братомъ съ помощію жившихъ въ Москвѣ иноземныхъ купцовъ, о томъ, что происходило въ теченіе почти семи лѣтъ, привели къ результатамъ, выраженнымъ въ письмѣ Ами Лефорта, то едва-ли найдется документъ, болѣе краснорѣчиво свидѣтельствующій въ пользу Франца.

Вамъ останется только дать расписку на эту сумму и переслать ее сюда. Прошу васъ быть, по возможности, бережливымъ».

Собщивъ точныя свѣдѣнія о лучшемъ маршрутѣ изъ Гамбурга въ Женеву, Ами Лефортъ продолжаетъ:

«Не забудьте, получивъ деньги въ Гамбургѣ, приложить къ квитанціи нѣсколько строкъ о томъ, въ какой день вы выѣдете и какой путь выберете.... Не забудьте также, по прибытіи во Франкфуртъ, въ Страсбургъ или въ Базель, немедленно написать мнѣ и назначить день, когда вы думаете пріѣхать сюда, чтобы я могъ обнять васъ прежде, чѣмъ вы вступите въ городъ. Передаю вамъ привѣтъ брата Іакова и его намѣреніе также встрѣтить васъ.

«Вы упоминаете въ вашемъ письмѣ, что привезете съ собою кое-какія московскія диковинки. Онѣ, навѣрное, затруднятъ васъ, и если вы хотите послушать моего совѣта, то не дѣлайте этого, чтобы ничто не мѣшало и не задержало васъ ускорить путешествіе. Отправьте вещи сюда съ товарными обовами. Ничего другаго совѣтовать не стану, ибо вы достаточно разумны, чтобы распорядиться самимъ. Прошу васъ единственно и преимущественно о томъ, чтобы вы прилагали величайшее попеченіе о себѣ и о вашемъ здоровьѣ, да будетъ тѣмъ полнѣе наша радость при вашемъ пріѣздѣ. Отъ всей души молю Бога, чтобы онъ охранилъ васъ отъ всякой опасности. Таково желаніе человека, глубоко васъ любящаго и всецѣло вамъ преданнаго. Все вамъ кланяются. Лефортъ. Женева, 6-го декабря 1681 года».

Единственный, сохранившійся на это письмо отвѣтъ послѣдовалъ лишь изъ Базеля отъ 8-го апрѣля 1682 года. Во Франкфуртъ и въ Страсбургъ Лефортъ пробылъ недолго. «Мнѣ хочется поскорѣе», писалъ онъ брату, «насладиться счастьемъ обнять васъ, что я предпочитаю всякому удовольствію въ свѣтѣ, ибо дружба, оказываемая мнѣ вами и братомъ Іаковомъ, всегда была искренняя и нелицемѣрная, и вы всегда желали мнѣ благополучія, а не гибели. Знаю, что отъѣздъ мой (изъ Женевы) огорчилъ васъ обоихъ, тогда какъ другіе радовались и, быть можетъ, желали, чтобы Богъ никогда не посылалъ мнѣ милости вновь увидѣть мою дражайшую матушку, васъ, любезный братъ, брата Іакова, сестеръ и зятьевъ. Однако Господь услышалъ мою молитву, состоявшую единственно въ томъ, чтобы вы были здоровы, и чтобы я имѣлъ счастье еще разъ обнять всехъ васъ. Хотя и есть недоброжелательные мнѣ люди, но я не желаю имъ никакого зла» (*).

(*). Нѣтъ сомнѣній, что этими словами Лефортъ намекаетъ на брата своего Иса-

Последній почлегъ, на пути изъ Базеля въ Женеву, Лефортъ предполагалъ жить въ Лозаннѣ, а на другой день, 16-го апрѣля, прибыть въ родной городъ. Такимъ образомъ, путешествіе изъ Москвы продолжалось болѣе пяти мѣсяцевъ и поглотило почти все время отпуска. Надобно было, съѣдовательно, много сократить пребываніе у матери и у родныхъ. Между тѣмъ, въ родительскомъ домѣ и во всѣхъ родственныхъ кружкахъ господствовало нетерпѣливое ожиданіе увидѣть этого необыкновеннаго члена семейства. Гдѣ онъ былъ? Что пережилъ? Какъ должно или можно было представить его себѣ? Сдѣлался ли онъ искателемъ приключеній, или сталъ энергическимъ, солиднымъ молодымъ человѣкомъ?... Всѣ такіе вопросы, какъ и слѣдовало ожидать, возбуждали сильный интересъ.

Что отвѣты на эти вопросы вполнѣ удовлетворили родныхъ и знакомыхъ Франца Лефорта, ясно доказывается сохранившимся документомъ, именно «Записками» старшаго сына Анн Лефорта (*). Въ нихъ сказано:

«Францъ Лефортъ былъ принятъ своими родными и соотечественниками, любившими и истинно уважавшими его, самымъ радушиимъ образомъ.

«Въ бесѣдахъ своихъ онъ представлялъ картину Россіи вовсе несогласную съ описаніями путешественниковъ. Онъ старался распространить выгодное понятіе объ этой странѣ, утверждая, что тамъ можно составить себѣ очень хорошую карьеру и возвыситься военною службою. По этой причинѣ онъ пытался уговорить своихъ родственниковъ и друзей отправиться съ нимъ въ Россію.

«Лефарту было тогда двадцать шесть лѣтъ. Всѣ соотечественники замѣтили въ немъ большую и выгодную перемѣну. Онъ былъ высокаго роста и очень строенъ. Въ разговорѣ являлъ себя строгимъ и серьезнымъ, но съ друзьями былъ шутиливъ и веселъ. Можно

ана, который, принявъ на себя продолженіе торговыхъ дѣлъ отца, долженъ былъ устроить и денежные обстоятельства. Какъ онъ устроилъ ихъ, неизвестно, но, кажется, неудовлетворительно, потому что Францъ писалъ изъ Москвы: „Я буду настаивать, что бы дѣла матери были приведены въ порядокъ“.

(*) По чувствамъ любви и уваженія къ своему дядѣ, Людовикъ Дефортъ желалъ сохранить въ своемъ семействѣ память о немъ, и эта задача была для него тѣмъ удобоисполнимѣе, что, живя въ 1682 году шестнадцать лѣтъ отъ роду, живо вспоминалъ впослѣдствіи, когда писалъ свои мемуары, мажоритскія обстоятельства, касавшіяся Франца Дефорта. Что племянникъ говорилъ правду о своемъ знаменитомъ дядѣ, за это ручаются и его честный характеръ, и его заслуги, оказанныя имъ женеvской республикѣ. Онъ, подобно отцу своему, пользовался большимъ уваженіемъ въ средѣ своихъ согражданъ.

сказать утвердительно, что онъ надѣленъ отъ рожденія счастливѣйшими дарами и талантами какъ тѣла, такъ ума и души.

«Онъ былъ отличный вѣдомъ и въ совершенствѣ владѣлъ оружіемъ. Изъ лука стрѣлялъ съ такою необыкновенною силою и съ такою непостижимою ловкостію, что превосходилъ испуенѣйшихъ и опытнѣйшихъ татаръ. О военномъ ремеслѣ говорилъ очень разумно, и можно сказать по справедливости, что судилъ о немъ, какъ человѣкъ женитанный, хотя былъ младшій сынъ въ семействѣ, которое, конечно, пользовалось почетомъ, но не имѣло такихъ денежныхъ средствъ, чтобы дать соответственное его дарованіямъ воспитаніе.

«Что касается его чувствъ и образа мыслей, то никогда и никто не откажется отъ признанія—что и обнаружится впоследствии—что онъ имѣлъ возвышенную и благородную душу. Онъ былъ врагъ лести и тщеславія. Своему государю былъ непоколебимо преданъ во всемъ, что касалось славы его царствованія и счастія подданныхъ, и употреблялъ всѣ усилія содѣйствовать столь справедливымъ и благотворнымъ предначертаніямъ.

«Во время пребыванія на родинѣ, Лефорту дѣлаемы были различныя предложенія многими именитыми чужеземцами, проживавшими въ Женевѣ. Его завѣряли, что онъ найдетъ достойный кругъ дѣятельности или во Франціи при швейцарскихъ войскахъ, или въ Германіи, или у императора, или въ Голландіи и въ Англіи. Вѣзятельные иностранцы старались отговорить его отъ службы въ Россіи, доказывая, что она не только трудна, но и неблагоприятна.

«И члены его фамиліи, родные и знакомые, совѣтовали ему ѣхать или въ Германію, или во Францію, или въ Англію, или въ Нидерланды, гдѣ, поступивъ въ военную службу, онъ могъ бы приобрести значительныя выгоды для себя и для своего семейства.

«На всѣ эти знамя благорасположенія Лефорть отвѣчалъ, что сердце его лежитъ въ Россіи и благодарность обязываетъ его посвятить жизнь монарху, отъ котораго получилъ многія благодѣянія.

«Онъ питалъ твердую надежду — и это были его собственные слова—что если Богъ сохранитъ ему здоровье и даруетъ жизнь, то свѣтъ заговорить о немъ и онъ достигнетъ почетнаго и выгоднаго положенія».

Рѣшимость Лефорты возвратиться въ Россію и исполнить свои обѣщанія была непоколебима. Полугодовой срокъ его отпуска уже кончился и онъ спѣшилъ отправиться въ Москву кратчайшимъ путемъ; но, предварительно, подалъ женевскому сенату просьбу о разрѣшеніи выѣхать изъ предѣловъ республики и о выдачѣ формальнаго

дозволенія жить въ другомъ государствѣ. Онъ желалъ теперь, чтобы и въ республикѣ были признаны права его, какъ женеваго гражданина; и, повидимому, ему было непріятно считаться прусскимъ подданнымъ. Замѣчательно, что въ царской проѣзжей грамотѣ не упоминается о его прусскомъ подданствѣ.

Женевскій сенатъ, въ засѣданіи 2-го мая 1682 года, постановилъ: «Noble François Lefort, au service de S. M. Czarienne, établi en Moscovie, ayant présenté requête afin d'obtenir son congé pour s'en retourner au dit pays où il est, mais ayant dessein de venir finir ses jours en sa patrie. A été dit qu'on lui expédie un congé honorable» (*). Затѣмъ ему выдано было увольнительное свидѣтельство республики, въ которомъ не только удостовѣрились мѣсто его родины и его происхожденіе, но и о немъ самоиъ выраженъ чрезвычайно лестный отзывъ (**).

Приготовляясь къ отъѣзду въ Москву, Лефорть накупилъ въ Женевѣ лучшаго оружія, какое только могъ найти (ружей, пистолетовъ), часовъ и разныхъ ювелирныхъ вещей, все для подарковъ въ Москвѣ. Предположенный вначалѣ путь чрезъ Амстердамъ былъ отъѣненъ и вмѣсто его избранъ на Гамбургъ.

23-го мая Лефорть простился съ родными. 26-го онъ прибылъ въ Базель и на другой день писалъ брату Ами: «Не могу не изъявить своей обязанности, чтобы поблагодарить васъ за всѣ хлопоты, мною вамъ причиненные, и увѣрить васъ, что я никогда этого не забуду.... Присовокупляю только просьбу: вѣрьте моей безпредѣльной братской любви и слезамъ, пролитымъ мною при прощаніи и до сихъ поръ текущимъ. Надежда, еще разъ обнять васъ при жизни, поддерживать меня, ибо это счастье предпочту всякому другому. Поцѣлуйте за меня всѣхъ».

Прибывъ въ Гамбургъ (въ исходѣ іюня), Лефорть узналъ о кончинѣ царя Феодора Алексѣевича и кое-что о событіяхъ, случившихся въ Москвѣ; но главнаго и существеннаго въ Гамбургѣ еще не знали. Рассказывали только, что, тотчасъ по провозглашеніи царемъ

(*) „Благородный Франсоа Лефорть, состоящій на службѣ его Царскаго Величества и поселившійся въ Московіи, вошелъ съ просьбою о выдачѣ ему увольнительнаго свидѣтельства для возвращенія въ сказанную страну, но окончатъ жизнь онъ намѣренъ въ своемъ отечествѣ. Постановлено: уволить его съ честью“.

(**) Увольнительное свидѣтельство писано на латинскомъ языкѣ. Русскій переводъ хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. къ переводу прибавлена приписка, что приложенная печать города Женевы, въ серебряной коробочкѣ, изображаетъ, оттиснутый на красномъ воскѣ, гербъ: полуорла и ключъ.

юнаго великаго князя Петра Алексѣевича, возвращенъ былъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и принятъ народомъ съ выраженіями необыкновенной радости. Это извѣстіе усюжило нѣсколько Лефорта, опечаленнаго кончиною царя Θεодора, такъ какъ онъ не только зналъ характеръ и заслуги Матвѣева, но и пользовался личнымъ съ нимъ знакомствомъ. Онъ познакомился съ умнымъ бояриномъ, вскорѣ по прїѣздѣ своемъ въ Москву, у датскаго резидента Гюбъ и имѣлъ счастье приобрести его благорасположеніе и покровительство. Тѣмъ не менѣе Лефортъ сталъ поддаваться чувству опасенія и безпокойства, по мѣрѣ того какъ распространились слухи о новыхъ, печальныхъ происшествіяхъ въ Москвѣ. Онъ началъ серьезно помышлять о томъ, не рѣшится-ли ему, пользуясь настоящимъ удобнымъ случаемъ, удалиться въ такое государство, гдѣ онъ могъ бы основать спокойную и безопасную жизнь (*). Намѣреніе это не состоялось: онъ положилъ продолжать путь въ Россію, быть можетъ по совѣту знакомаго дипломата, съ которымъ встрѣтился. Чрезвычайный датскій посланникъ Гиллебрандтъ фонъ-Горнъ едва успѣлъ возвратиться изъ Москвы въ отечество (въ декабрѣ 1681), какъ, вслѣдствіе извѣстія о кончинѣ царя Θεодора и о вступленіи на престолъ юнаго Петра, получилъ повелѣніе немедленно опять ѣхать въ Москву и привѣтствовать, отъ имени датскаго короля, новаго государя земли русской. Неизвѣстны въ точности причины такой поспѣшности со стороны датскаго двора; но Христіанъ V былъ первый монархъ, сдѣлавшій этотъ шагъ. Посланникъ прибылъ въ Гамбургъ прежде 8-го іюля: здѣсь встрѣтилъ его Лефортъ, и они условились ѣхать вмѣстѣ въ Москву, изъ Любека водою въ Данцигъ, а далѣе сухимъ путемъ.

Какъ въ Данцигѣ, такъ и на дальнѣйшемъ пути они все болѣе и болѣе слышали объ обстоятельствахъ, которыми сопровождалась правительственная перемена въ Москвѣ. Они узнали, что, по кончинѣ Θεодора, провозглашенъ былъ государемъ его десятилѣтній братъ Петръ, отъ втораго брака царя Алексѣя, помимо старшаго брата Ивана (отъ перваго брака), и что, вслѣдъ за тѣмъ, разразилась страшная революція. Во всякомъ городѣ Горну и Лефорту рассказывали что-нибудь новое, весьма грустное и часто совершенно противорѣчивое. Всѣ эти вѣсти до крайности смущали и тревожили Лефорта, и въ такомъ настроеніи духа онъ медленно продолжалъ путешествіе съ датскимъ посланникомъ. Изъ Данцига поѣхали они

(*) Такъ говорить его племянникъ въ своихъ запискахъ, вѣроятно на основаніи писемъ Лефорта, нынѣ утраченныхъ.

въ Бѣнигебургъ, потомъ направилась чрезъ Вильну и, прибывъ сюда 12-го августа, узнали подробности о случившемся здѣсь, пять или шесть мѣсяцевъ назадъ, жестокомъ преслѣдованіи реформатовъ. Церковь реформатовъ была сожжена, ноги разбиты и вынуты изъ нихъ трупы брошены въ огонь.

Въ Смоленскѣ Лофортъ оставилъ Горна и поспѣшилъ въ Москву освѣдомиться о положеніи дѣлъ при дворѣ и о новостяхъ правительствѣ. Онъ взялъ на себя порученіе извѣстить Посольскій Приказъ о прибытіи чрезвычайнаго датскаго посланника со свитомъ. 19-го сентября Лофортъ прѣхалъ въ Нѣмецкую Слободу. Друзья успокоили его и увѣрили, что, несмотря на всѣ перешвы и перевероты въ государствѣ, ему нечего опасаться, и что онъ можетъ надѣяться на дальнѣйшіе успѣхи по службѣ.

(Продолженіе будетъ.)
